

УДК 2-35:322

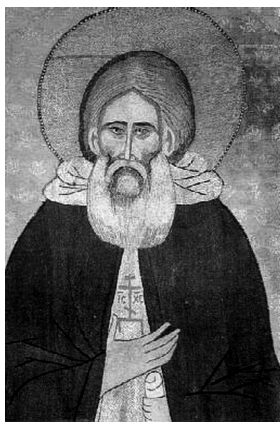
Павлюченков Н.Н.

Государство Российское и аскетический подвиг преп. Сергия Радонежского в Православной Церкви

Павлюченков Николай Николаевич, кандидат философских наук, кандидат богословия, преподаватель Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета (Москва)
E-mail: npav1905@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы, возникающие, по мнению автора, в связи с празднованием в 2014 г. 700-летия со дня рождения преп. Сергия Радонежского. Отмечается, что жизнь преп. Сергия есть, прежде всего, аскетический подвиг достижения внутреннего мира и христианский опыт обожения. Организацию же и поставление на государственный уровень юбилейных торжеств 2014 г. предлагается рассматривать как попытку учесть опыт восстановления и укрепления Российского государства в его трудные периоды вследствие молитвенного обращения народа к преп. Сергию.

Ключевые слова: преп. Сергий Радонежский, Церковь, Православие, обожение, христианский аскетизм аскетический подвиг, Российское государство, духовное влияние, внутренний мир, внешняя активность.

Изображение преп. Сергия Радонежского на покрове XV в.

Празднование 700-летия со дня рождения преп. Сергия Радонежского в 2014 г. стало беспрецедентным в новейшей истории Русской Церкви и Российского государства. В относительно недавнем прошлом широко отмечалось 500-летие со дня кончины великого русского святого (25 сентября / 8 октября 1892 г.), когда, в числе прочего, звучали замечательные речи¹ и были представлены результаты целого ряда исследований². Следующий, 600-летний юбилей в 1992 г. чем-либо особо выдающимся отмечен не был, а светскими властями был практически не замечен по вполне понятным причинам: в новом Российском государстве подвергалось ревизии все, включая и национальное самосознание. Государству, у которого в один миг вдруг не оказалось никаких внешних врагов, оказался не нужным и патриотизм его граждан. Сергей из Радонежа на государственном уровне востребован не был, хотя памяти его все же отдали должное, вернув его городу историческое имя. И вот, спустя два десятилетия, ситуация изменилась. Теперь, по большому счету, все выглядело как некий «государственный заказ»: устроить в Сергиевом Посаде торжества на высшем уровне, хотя, как представляется, с точки зрения церковной практики, новый «юбилей» был создан почти искусственно.

В Церкви, как известно, не принято отмечать дни рождения святых. Земная жизнь здесь рассматривается, безусловно, как дар Божий, но это – такой дар, который нужно еще суметь принять и «понести». Никто и ничто, даже Сам Бог не предопределяет человеческую участь, и человек в христианстве воспринимается как действительно свободная личность, которая сама несет ответственность за употребление даров Божиих на благо или на зло. Христианское понимание свободы исключает возможность Божественного насилия над человеком: Бог лишь убеждает и создает ситуации, благоприятные для свободного выбора во благо, но не допускает никакого постороннего вмешательства в сам процесс выбора³. По-

¹ Одна из них, актовая речь историка В.О. Ключевского пространно цитируется до сих пор в статьях, посвященных преп. Сергию. Это не удивительно, поскольку о Сергии как собирателе русских земель и виновнике необычайного подъема духа русского народа в XIV в. Ключевский говорил так, как, наверное, лучше сказать уже невозможно. См.: Ключевский В.О. Значение Преподобного Сергия для русского народа и государства // Богословский вестник. 1892. № 10. С. 190–204.

² См., напр.: Голубинский Е. Преп. Сергий и созданная им Троицкая Лавра. жизнеописание Преп. Сергия и путеводитель по Лавре. Сергиев Посад, 1892; Корсунский И. Покров милости Божией над Лаврою Преп. Сергия и Сергиевым Посадом во время губительных болезней // Богословский вестник. 1892. № 10. С. 89–121.

³ «Бог становится бессильным перед человеческой свободой, Он не может ее насилловать, потому что она исходит от Его всемогущества... Любовь Божия к человеку так велика, что она не может принуждать, ибо нет любви без уважения. Божественная воля будет всегда покоряться блужданиям, уклонениям, даже бунтам воли человеческой, чтобы привести ее к свободному согласию. Таков Божественный Промысел, и классический образ педагога покажется весьма слабым каждому, кто почувствовал в Боге просящего подаяния любви нищего, ждущего у дверей души и никогда не дерзающего их взломать» (Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991. С. 244).

этому день рождения – это лишь исходная точка будущего пути, траектория которого может быть самой разной, вплоть до внезапных нисхождений с духовных вершин на самое «дно». Настоящий праздник – это день благополучного завершения пути, когда смерть для тела становится временным сном («успением»), а для души – благодатным рождением в жизнь новую, в преддверие тех благ, о которых человек на земле и помыслить не в состоянии, но которые «Бог приготовил любящим Его»¹.

Во всяком случае, в церковном календаре все праздники святым, как правило, являются либо днями их кончины, либо датами обретения (перенесения) их святых мощей. Преп. Сергей – не исключение. День рождения его также отмечать не принято, тем более, что этот день не известен не только с точностью до дня и месяца, но даже с точностью до года. 2014-й год в качестве юбилейного определен лишь как один из возможных вариантов, а в качестве главной даты праздника был выбран день обретения мощей (5/18 июля), что еще более добавляло этому торжеству элемент формальности.

Но все это так только для внешнего взгляда. Конечно, при желании, можно найти лишний повод для обвинений Церкви в «срастании» с государством. Можно потрудиться и найти свидетельства формализма, когда, например, по приходам циркулировала «разнарядка», указывающая, сколько именно прихожан нужно отправить на праздничный Крестный ход и т.д. Но можно обратить внимание и на свидетельства простых участников того самого Крестного хода, когда после долгого пути они стояли в поле на ночной Литургии: ощущение было такое, будто «небо сходило на землю». И представляется, что в этих свидетельствах «эмоций» не больше, чем в стремлении «формализовать» отмеченный юбилей. В конце концов, дело не в формальных датах и юбилеях, а в настрое самих людей, в их желании молитвенного единения, бывшего в переломные моменты истории России основой единения государственного. Что же касается политических мотивов, то организованные и прошедшие на государственном уровне «юбилейные» торжества в Сергиевом Посаде могут означать, что в создавшейся ныне трудной и «судьбоносной» ситуации Российское государство фактически готово снова признать в Сергии своего национального героя и призвать его на помощь также, как это было в прошлом, в критические периоды российской истории.

Но действительно ли в преп. Сергии можно видеть одного из национальных героев России и не затеряется ли при этом его чисто внутренний, аскетический подвиг на фоне деяний на благо общества и государства? Не являемся ли мы здесь свидетелями новых попыток «секуляризации» христианства в самом его средоточии – в духовной жизни, со всеми специфическими ее реальностями («невидимой бранью», тайной общения со Христом в Церкви и т.д.)? Не есть ли это, в конце концов, та же, известная из истории попытка поставить Русскую Церковь на службу чисто политическим интересам?

Постановка этих и других подобных вопросов, конечно, возникла не сегодня и имеет свою давнюю историю. Как представляется, глубокая подоплека всех возникающих здесь недоумений заключается в стремлении видеть в Церкви лишь определенную общественную структуру со своими специфическими особенностями (каноническим устройством, собраниями для «отправления культа» и т.д.). Предполагается, что эту «организацию» можно ставить на службу государству, ее можно «отделять» от государства, ею можно манипулировать для достижения каких-либо целей. Именно при таком отношении к Церкви и возникает представление о разрыве между жизнью «внутри» нее и деятельностью во вне – «в миру», откуда далее и следуют все соответствующие планы политиков и опасения «церковных деятелей», стремящихся не допустить политику в церковную ограду.

Коренная причина всего этого кроется вовсе не в отсутствии разработанной эклессиологии² и не в наличии политиков, нежелающих эту эклессиологию понимать и принимать. Причина в том, что из внимания каким-то образом ускользает *опыт* такого выстраивания «церковно-общественных» и «церковно-государственных» отношений, когда, – скажем на языке символов, – вспыхнувший светильник *естественным* образом источает свет вокруг себя. Свет по самой своей природе не может не распространяться, если только, конечно, не ставить на его пути искусственные преграды. Для того, чтобы пояснить эту мысль, и целесообразно обратиться к самому преп. Сергию, к его опыту и примеру.

Разумеется, было бы серьезной ошибкой видеть в преп. Сергии *только* собирателя народного духа в борьбе за национальную независимость средневековой Руси. Как бы ярко и впечатляюще ни звучали слова В.О. Ключевского из его известной актовой речи в честь 500-летнего юбилея преп. Сергия, они не охватывают всей полноты подвига Радонежского Святого. Точнее говоря, они затрагивают только его периферию, лишь едва касаясь того средоточия, благодаря которому вся Сергиева деятельность по собиранию Руси и стала вообще возможной. «Примером своей жизни, – говорил В.О. Ключевский в 1892 г., – высотой своего духа Преп. Сергей поднял упавший дух родного народа, пробудив в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее. Он вышел из нас, был плоть от плоти нашей и кость от костей наших, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь из наших была доступна... Преп. Сергей своей жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло; своим появлением среди соотечественников, сидевших во тьме и сени смертной, он открыл им глаза на самих себя, помог им заглянуть в свой собственный мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел озаривший их светоч. Разные люди XIV в. признали это действие чудом, потому что оживить и привести в движение нравственные чувства народа, поднять его дух выше привычного уровня – такое проявление духовного влияния всегда признавалось чудесным, творческим актом; таково оно и есть по своему существу и происхождению, потому что источник его – вера. Человек, раз вдохнувший в общество такую веру, давший ему живо ощутить в себе присутствие нравственных сил, которых оно в себе не чаяло, становится для него носителем чудодейственной искры, способной зажечь и вызвать к действию эти силы всегда, когда они понадобятся, когда окажутся недостаточными наличные обиходные средства

¹ «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его», – слова пророка Исаии, цитируемые ап. Павлом (1Кор. 2, 9).

² Эклессиология (от греч. ἐκκλησία – церковь и λόγος – знание) – отрасль христианского богословия, изучающая природу и свойства Церкви. Является учением о Церкви как раздел догматического богословия и как элемент богословия тех или иных отцов Церкви. (Прим. ред.).

народной жизни»¹. Влияние на мир со стороны маленькой монашеской общины, созданной преп. Сергием, Ключевский описывает так: "Во всех чувствовался скрытый огонь, который без искр и всплеск обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякого, кто вступал в эту атмосферу труда, мысли и молитвы. Мир видел все это и уходил ободренным и освеженным, подобно тому, как мутная волна, прибывая к прибрежной скале, отлагает от себя примесь, захваченную в неопрятном месте и бежит далее светлой и прозрачной струей"².

Но В.О. Ключевский, как представляется, сознательно не выходит здесь за пределы нравственной плоскости, хотя употребляемому им образу огня можно придать, прежде всего, аскетическое содержание. Если говорить кратко, христианская аскетика – это «искусство» или «художество» онтологического преобразования человека³. В обычном состоянии человек испытывает глубокий внутренний разлад; его ум, воля и чувства, – выделяемые в аскетике три силы человеческого существа, – действуют рассогласовано, в пределе уподобляясь трем персонажам из известной басни И.А. Крылова. В человеке нет внутреннего мира, что выражается во вне и приводит к столкновению с внешними проявлениями такого же внутреннего разлада в других личностях. Все это вместе порождает целый мир взаимной вражды и ненависти, который можно победить, только сначала одержав победу внутри себя. «Стяжи мир в душе твоей, и вокруг тебя спасутся тысячи»⁴, – это опыт христианской аскетики. Внутренний мир *исцеляет*, и на образовавшуюся таким образом в человеке целостность сходит благодать обожения, издревле в христианской традиции символизируемая светом или огнем.

В житии преп. Сергия есть свидетельства видений огня и благодатного света, сопровождавших его аскетический подвиг⁵. Среди всего множества аналогичных по внешности, но иллюзорных и субъективных по сути явлений, Православная Церковь в XIV в. признала наличие подлинных фактов «прорыва» Божественного Света в наш мир и его действия в человеке. Человек может приобщаться этому Свету и, таким образом, не метафорически, не только по нравственному совершенству, а в онтологическом смысле может становиться подобным Богу. Соборы, догматически оформившие этот опыт на основе трудов свт. Григория Паламы⁶, проходили в Константинополе как раз во время подвижничества в Радонежском лесу преп. Сергия. Будучи географически отдаленным от Константинополя и Афона, где проявила себя защищаемая Паламой исихастская традиция, не входя в эту традицию как таковую⁷, преп. Сергей оказался причастником того же самого опыта обожения, который защищали Константинопольские соборы XIV в. Эта тайна, опытно доступная только «исцеленному» в аскетическом смысле человеку, и составляет саму суть Православия.

Г.П. Федотов, как известно, назвал преп. Сергия «мистиком» в православном смысле этого слова, «носителем особой, таинственной духовной жизни, не исчерпываемой подвигом любви, аскезой и неотступностью молитвы. Тайны его духовной жизни остались скрытыми от нас. Видения – лишь знаки, отмечающие неведомое»⁸. Представляется, что, по единству религиозного опыта в Православии, возможно, хотя бы отчасти, прикоснуться к этим тайнам, читая, например, такие вдохновенные строки: «Когда же начнет рассветать день, и утренняя звезда войдет в наши сердца, человек, достойный имени своего, выходит на подобающее ему делание и (о, чудо!) становится созерцателем премирных вещей... но истинно восходит несказанною силою Духа, и с неизреченной духовной помощью слышит неизреченные слова и видит недоступное взорам. И – о, чудо! – всецело привлекается и объемлется этим, и отрывается от земли, и, соревнуясь с неутомимыми песнопевцами, становится воистину иным ангелом Божиим на земле, и через себя приводит к Нему всякий вид твари, потому что и сам теперь имеет участие в Том, что выше всего...»⁹ (свт. Григорий Палама).

Преп. Сергей, прежде всего, – один из опытных свидетелей реальной преображающей силы, которую человек может получить в Православной Церкви. Поэтому, когда совершенно справедливо в жизни преп. Сергия выделяют два направления его служения – «святое Православие и свобода Руси»¹⁰, под «Православием» здесь нужно понимать не просто определенный набор догматов, в которые нужно «верить», а именно открывающую-

¹ Цит. по: Ключевский В.О. Очерки и речи. Пг., 1918. С. 206–207.

² Там же. С. 203.

³ «Вот почему аскезику, как деятельность, направленную к тому, чтобы созерцать Духом Святым свет неизреченный, святыне отцы называли не наукою и даже не нравственною работою, а искусством – художеством, мало того, искусством и художеством по преимуществу...» (Павел Флоренский, свящ. Сочинения. Т. 1 (1). Столп и утверждение Истины. М.: Правда, 1990. С. 99); «Аскетика есть величайшее художественное творчество, творчество, материалом для которого является сам человек» (Игорь Экономцев, прот. Исихазм и восточноевропейское возрождение // Богословские труды. Сб. 29. М.: Издательство Московской Патриархии, 1989. С. 67).

⁴ Афоризм, возникший на основании записи устных поучений преп. Серафима Саровского – русского святого XVIII–XIX вв., в котором проявились плоды аскетического подвига на уровне, не уступающем уровню святых древней Христианской Церкви.

⁵ Самые известные среди них: охваченный невещественным огнем алтарь во время служения преп. Сергием Божественной Литургии, сходжение этого огня в Св. Чашу, когда преп. Сергей причащался, видение огня, исходящего из благословляющей руки преп. Сергия.

⁶ Речь идет о вынужденной необходимости такого оформления. «Только грубое вмешательство со стороны некоторых представителей рационалистического богословия, только профанация сокрытой, созерцательной жизни заставили эту духовную жизнь монастырей и скитов выйти из своего уединения, принудили ее, поставленную перед конфликтом, относящимся к вероучению, искать своего догматического выражения, как богословия мистического опыта» (Лосский Вл. Боговидение. М.: Издательство Свято-Владимирского братства, 1995. С. 109).

⁷ В литературе можно найти указание на вероятную близость к этой традиции Митрополита Алексия, который общался с Константинопольскими патриархами – Каллистом, учеником преп. Григория Синаита, и Филофеем, учеником свт. Григория Паламы (см., напр.: Троице-Сергиева Лавра. М.: Изд. Моск. Патриархии, 1985. С. 35). Общась со свт. Алексием, преп. Сергей, конечно, мог знать об Афонских исихастах и о богословских спорах вокруг их практики, идущих в Константинополе. Но предполагать духовное преемство подвига преп. Сергия от Афонских исихастов XIV в. (даже через посредство свт. Алексия) нет никаких оснований.

⁸ Федотов Г. П. Святые древней Руси. Нью-Йорк, 1960. С. 138. Цит. по: Алексей (Кутепов), архим. Преп. Сергей как русский идеал святости // Богословские труды. Сб. 29. С. 186.

⁹ Арсений. еп. Святаго Григория Паламы, митрополита Солунского три творения, доселе не бывшие изданными. Новгород, 1895. С. 12–13, 15–16. Цит. по: Игорь Экономцев, прот. Указ. соч. С. 69).

¹⁰ Алексей (Кутепов), архим. Указ. соч. С. 186.

юся для человека «вышестественную» жизнь с Богом и в Боге. Догматы – это указания пути к такой жизни; при наличии движения они сами «оживают», переставая быть отвлеченными истинами. Значение преп. Сергия, прежде всего, в том, что он явил эту подлинную суть Православия на примере своей жизни.

Конечно, Житие преп. Сергия повествует о его изначальной избранности¹, однако он не рождается святым. Он, очевидно, имеет с самого начала внутренний опыт встречи с той Реальностью, знание о которой зафиксировано в христианском догматическом учении. Иначе, при наличии только отвлеченной, чисто формальной веры в Троичный догмат невозможно объяснить сам факт его ухода в глухой лес, построения там храма во имя Св. Троицы и твердого стремления оставаться там даже после ухода брата Стефана. Само подвижничество в таких условиях свидетельствует, что Реальность, переживаемая преп. Сергием, превосходила обычный, изменчивый субъективно-психологический уровень. И подвижничество было нужно потому, что он видел несоответствие между этой Реальностью и своим внутренним устроением. Таков «обычный» побудительный мотив в христианской аскетике, но в данном случае ситуация уникальна. Уже с вершины достигнутой главной цели преп. Сергий особым способом доносит свой опыт до соотечественников, оставляя им, при помощи преп. Андрея Рублева, икону Св. Троицы². «Среди мятущихся обстоятельств времени, среди раздоров, междоусобных распрей, всеобщего одичания и татарских набегов, среди этого глубокого безмолвия, растлившего Русь, открылся духовному взору бесконечный, невозмутимый, нерушимый мир, "свышний мир" Горнего мира. Вражде и ненависти, царящим в дольном, противопоставилась взаимная любовь, струящаяся в вечном согласии, в вечной безмолвной беседе, в вечном единстве сфер горних»³.

Троице-Сергиева Лавра. Главный вход. Клеймо с житием Св. Сергия Радонежского. г. Сергиев Посад. XIX–XX вв.

Труды преподобного Сергия. Триптих. Художник М.В. Нестеров. 1896–1897

И нужно вспомнить, что именно, согласно Епифанию, видел вокруг себя и чему был свидетелем преп. Сергий с самого детства: например, когда православный Ростов достался православной Москве, московские вельможи «возлагали великие тяготы на город и на всех живущих в нем, умножилось гонение и немало жителей были вынуждены имущество свое отдать москвичам, а сами, получая взамен побои и оскорбления, с пустыми руками отходили... как последние бедняки»⁴. Очевидно, что это – типичные «издержки» царящих на Руси в то время междоусобиц, и именно на таком фоне начиналось объединение русских земель вокруг Москвы.

Преп. Сергий сначала трудится над собиранием в единство всех сил своей души и, постепенно, становясь, – в прямом, христианском смысле этих слов, – светозарным и богоподобным, начинает разливать «собранный» им Божественный Свет далеко вокруг себя. Он приступает к подвигу «собрания» русской земли, т.е. к такой «внешней» деятельности, которая естественно вытекает из его внутреннего созерцательного подвига «непрестанного взирания на Живоначальную Троицу». И нельзя не подчеркнуть, что победа преп. Сергия над собой и все последующие его деяния, – все это было явлено в Церкви. В XIV в. благодаря преп. Сергию русский народ сумел вновь разглядеть в Православной Церкви неиссякаемую святыню и именно поэтому (а не самим фактом своего наличия) Церковь стала объединительным и государствообразующим фактором на Руси.

На определенном этапе жизнь и деятельность преп. Сергия оказалась тесно связанной со служением митрополита Алексия, находящегося в Москве, но формально носящего титул Митрополита Киевского и всея Руси. Свт. Алексию пришлось опекать осиротевшего в 9 лет князя Димитрия (будущего великого князя Димитрия Донского)

¹ «И было некое чудо до рождения его; случилось нечто такое, что недостойно предать молчанию». Далее повествуется о троекратном возглашении младенца, бывшего еще в утробе матери, когда та молилась на Божественной Литургии. См.: Житие преподобного и богоносного отца нашего, игумена Сергия, чудотворца. Написано премудрейшим Епифанием // Хрестоматия по древнерусской литературе XI–XVII веков / Сост. А.Н. Ужанков. М.: Русский язык, 1991. С. 109.

² Утверждение, что, что в иконе «Троица» преп. Андрея Рублева нашел свое выражение духовный опыт преп. Сергия, может быть обосновано, прежде всего, тем, что икона была заказана преп. Никоном – ближайшим по духу учеником и преемником преп. Сергия. Кроме того, предполагают, что начало монашеской жизни и первые постижения иконописного мастерства у преп. Андрея Рублева были связаны с Троицким монастырем. Он вполне мог общаться с самим преп. Сергием (преп. Андрей родился около 1360 г., а преп. Сергий скончался в 1392 г.) и дальнейшая его жизнь протекала в кругу непосредственных учеников преп. Сергия. См., напр.: Успенский Л. К юбилею Андрея Рублева // Вестник Западно-Европейского экзархата. 1960. № 35. С. 44.

³ Павел Флоренский, свящ. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Павел Флоренский, свящ. Избранные статьи по искусству. М.: Изобразительное искусство, 1996. С. 230.

⁴ Житие преподобного и богоносного отца нашего, игумена Сергия, чудотворца... С. 113.

Житийная икона святителя Алексия кисти Дионисия, 1480-е гг.

ложить преп. Сергию сан митрополита, свт. Алексий тщательно взвесил все обстоятельства крайне сложной политической и церковной ситуации на Руси. Княжеские междоусобицы происходили тогда между уже принявшими ислам татарами, католической Польшей и еще языческой Литвой. Киев был захвачен Литвой и потому фактический центр Русской Митрополии находился в Москве. Литва настаивала либо на возвращении митрополита в Киев, либо на разделе митрополии по политическому принципу. В этих условиях усилия Константинопольского церковного собора и патриарха Филофея по сохранению церковного единства на Руси чуть было не дали обратный результат.

Святитель Киприан, митрополит Киевский. Икона XV в.

расположение к преп. Сергию князя Димитрия⁴, и уже имеющуюся добрую славу Радонежского подвижника в Константинополе⁵. Не учел он только то, что отказ самого преп. Сергия от сана Митрополита будет самым решительным и до конца непреклонным. «Если не хочешь, — так передает Епифаний окончательный ответ преп. Сергия, — отогнать мою нищету от того, чтобы слушал святые слова твои, более не говори и никому другому не вели...»⁶.

По свидетельству Епифания, митрополит понял, что далее настаивать не только бесполезно, но и опасно, т.к. преп. Сергий может вообще оставить свое служение внешнему миру⁷. Здесь, очевидно, была та грань, за

и таким образом в течение достаточно длительного времени фактически исполнять обязанности главы Московского государства. Это обстоятельство, очевидно, и обусловило активное привлечение преп. Сергия к делам государственного строительства и объединения всей Руси вокруг Москвы. В продолжение реализации этих замыслов он во всем поддерживает свт. Алексия. Имея правило оставлять свою обитель только в чрезвычайных обстоятельствах¹, он периодически выходит из нее и, помимо Москвы, еще до Куликовской битвы посещает с миротворческими визитами Ростов (дважды — в 1358 и 1363 гг.) и Нижний Новгород (в 1365 г.). В последнем случае, встретив упорство местной власти, он беспрецедентным актом показывает ей, что ныне мир с Москвой для Руси имеет не только политическое, но и духовное значение. Он добивается закрытия всех храмов нижегородской княжеской области, т. е. фактически для целой области прерывает общение с Церковью. И то, что такое стало возможным, не могло не убедить верующего человека, в чем именно на данный момент заключается воля Божия.

При оценке этих фактов у историка должно создаваться впечатление, что такой деятель, как Сергей, смог бы сделать для объединения Руси гораздо больше, если бы встал у руководства всей Русской Церковью. Однако он поступает вопреки этой человеческой логике и устраивает по этому поводу с митрополитом Алексием «священную распрю»². Несомненно, что, прежде чем пред-

Митрополит Алексий предчувствовал свою скорую кончину, и нужно было срочно искать ему преемника. Принять нового Митрополита из Константинополя укрепляющаяся Москва уже не желала по причине, как сказали бы теперь, возросших националистических настроений. В этой же связи, а также по необходимости учета позиции литовских князей, и сам Константинополь не мог направить нового Митрополита в Москву³. В поисках выхода из этой сложнейшей ситуации было принято весьма неоднозначное решение. 2 декабря 1375 г. в Константинополе в митрополита Литовского был рукоположен грек Киприан (будущий Святитель, прославленный в Русской Церкви), с тем условием, что он, после смерти митрополита Алексия, станет единым Митрополитом Киевским и всея Руси. Но когда об этом узнал в Москве уже повзрослевший князь Димитрий, он дал указание спешно готовить на московский митрополичий престол бывшего коломенского протопопа Димитрия Митяя, которого специально для этого постригли в монашество (с именем Михаил) и возвели в сан архимандрита.

Таким образом, сложилась, к сожалению, обычная для истории ситуация, когда политика вмешивается в чисто церковные дела и Церковь вынуждена учитывать политические требования для того, чтобы, по возможности, сохранять мир и избегать расколов. В данном случае, намереваясь выдвинуть на митрополичий престол кандидатуру Сергия, свт. Алексий, казалось, учел все: и

Такая ситуация, когда политика вмешивается в чисто церковные дела и Церковь вынуждена учитывать политические требования для того, чтобы, по возможности, сохранять мир и избегать расколов. В данном случае, намереваясь выдвинуть на митрополичий престол кандидатуру Сергия, свт. Алексий, казалось, учел все: и

¹ См.: Там же. С. 116.

² Выражение свт. Филарета Московского. См.: Никон, архим. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всей России чудотворца. Изд. 5-е. Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1904. С. 152.

³ Перед этим националистические партии уже разрушали православное церковное единство в Сербии и Болгарии. Как раз в 1375 г. патриарху Филофею удалось восстановить отношения с Сербской и Болгарской Церквями, и он, конечно, особо опасался допустить новый раскол, на это раз с Русской Митрополией.

⁴ Несомненно, что, будучи «собеседником» митрополита Алексия, преп. Сергий участвовал и в воспитании князя Димитрия. Накануне всех этих событий, в 1374 г. князь Димитрий пожелал, чтобы преп. Сергий стал крестником только что родившегося его сына Георгия.

⁵ Патриарх Филофей в 1354 г. благословлял Сергия на устроение монашеского общежития и впоследствии, вероятно, до него доходила информация о его жизни и подвигах.

⁶ Житие преподобного и богоносного отца нашего, игумена Сергия, чудотворца... С. 122. Епифаний отмечает, что перед этим «Архиерей много слов говорил старцу из божественных писаний, желая склонить его исполнить волю свою...» (Там же).

⁷ Как представляется, именно в таком смысле нужно понимать слова о «внутренней пустыне» из Епифаниева Жития: «И как увидел архиерей, что святой непреклонен, и не стал ему больше об этом говорить, убоявшись, что он опечалится, отойдет во внутреннюю пустыню, и тогда такого светильника лишается...» (Там же).

которой в духовной жизни преп. Сергия менялись приоритеты и рушилась иерархия ценностей. Он делает выбор в пользу продолжения своего аскетического подвига в монастыре и сам ход последующей истории показал, что от этого никак не пострадали ни церковное единство, ни интересы Московского государства. Более того, постепенно были преодолены все опасные тенденции, которые и заставили свт. Алексия искать себе замену в лице преп. Сергия¹.

В конечном итоге, по словам митрополита Платона (Левшина), «духовная борьба» свт. Алексия и преп. Сергия, в которой «один старался одержать победу над другим, а другой старался одержать победу над самим собою», закончилась тем, что «оба остались победителями»². Можно заметить еще, что «Житие» святого – это, прежде всего, икона, которая пишется в назидание, а случай непослушания настойчивым увещаниям архипастыря вряд ли годится в качестве идеального примера для подражания. Между тем, начиная с Епифания, мимо этого случая из жизни преп. Сергия не прошел ни один из его жизнеописателей. Очевидно, что все они подчеркивали не внешнюю форму поступка преп. Сергия, а его внутреннюю суть, заключающуюся в поставлении Преподобного духовных ценностей выше ценностей государственных и национальных. И, когда приоритеты расставлены именно так, в конечном итоге достигаются благие цели и для народа, и для государства.

Вслед за своим отказом от сана митрополита, преп. Сергий встречает у себя в обители князя Дмитрия, пришедшего за благословением на великую битву. Эта история из жизни Радонежского подвижника, по своей известности, уже не нуждается в пересказе и комментариях, но важно подчеркнуть, что преп. Сергий благословляет именно меч, реальный меч, которым на войне совершается убийство. Однако своими действиями, сопровождающими это благословение, он показывает, что, в данном случае, речь идет не о решении каких-либо чисто политических или военных задач. Предстоящая земная брань является отражением брани духовной, поскольку под угрозой оказывается религиозная вера целого народа, его храмы и святыни, посредством которых на земле человек живет с Богом. Впрочем, в литературе иногда обходится вниманием важный момент, когда преп. Сергий в беседе с князем исследует возможности избежать военного сражения и дает благословение только тогда, когда слышит, что врагом отвергнуты все попытки примирения, даже путем откупа³.

Благословение преп. Сергия для князя Дмитрия полагается как вынужденная «материализация» духовного меча, что подтверждается актом причисления к русскому войску двух иноков Сергиевой обители, бывших воинов, а ныне, к 1380 г., – монахов. Этих иноков – Пересвета (Александра) и Ослябя (Андрея) – преп. Сергий облачает в схимнические одежды со словами: «Вот вам, дети мои, оружие нетленное, да будет оно вам вместо щитов и шлемов бранных... Мужайтесь, как добрые воины Христовы, пришло время вашей купли!»⁴ По-видимому, никакого внешнего эффектного чуда не происходит⁵: Александр-Пересвет в поединке так же погибает, как и татарский богатырь Челомей. Но чудесным образом восстает дух русских воинов, которые, как и все русские люди того времени, с детства были запуганы жестокой и непобедимой силой врага. Не принесла победа в Куликовской битве и немедленного внешнего освобождения Руси, но освобожденным оказался народный дух, ощутивший, с помощью преп. Сергия, что значит в критической ситуации быть с Богом. Произошло самое главное, для которого, как внешнее выражение внутреннего, последовала затем и политическая свобода.

В.О. Ключевский говорил о «великом событии», совершившемся при жизни преп. Сергия и о сложном, продолжительном духовно-нравственном процессе, который при его жизни только начался. «Событие состояло в том, что народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с

Благословение Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву. Художник М.В. Нестеров. Эскиз неосуществленной картины. 1897

Повесть о Куликовской битве. Преп. Сергий Радонежский благословляет Дмитрия Донского и иноков Пересвета и Ослябя на ратный подвиг. Миниатюра XVI в.

¹ В частности, не возникло никакой серьезной церковной смуты вследствие борьбы за митрополичий престол свт. Киприана и ставленника князя Дмитрия; не имела никаких последствий выдача Мамаем ярлыка на митрополию Митяю; несмотря на все сложности, Русская Церковь избежала расколов и сохранила свое единство с Вселенским Православием.

² Никон, архим. Житие и подвиги... С. 152.

³ Этот момент, опущенный в Житии преп. Сергия, отмечен в Никоновской летописи. «Если такие враги, – говорит преп. Сергий князю Дмитрию, – хотят от нас чести и славы – дадим им, если хотят злата и серебра, дадим и это, но за Имя Христово, за веру православную нам подобает душу свою положить и кровь свою пролить» (цит. по: Андроник (Трубаев), игум. Русская духовность в жизни преп. Сергия // Богословские труды. Сб. 29. С. 242).

⁴ Житие преподобного и богоносного отца нашего, игумена Сергия, чудотворца... С. 149.

⁵ Слова преп. Сергия «пришло время вашей купли!», конечно, означали предсказание гибели обоих иноков. Но эта смерть в данном случае благословлялась как «покупка» вечной жизни в Царстве Божием ценою жертвы в ратном подвиге.

духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарских полчищ в открытой степи и так навалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными телами... Откуда взялись, как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и подумать их деды?»¹ За этим чудом преп. Сергия последовал процесс, приведший к тому, что Русь стала единым, независимым государством с большим потенциалом усиления и роста. И важно понимать, что процесс этот, как и само влияние преп. Сергия, не были *механическими*; они обуславливались свободным волеизъявлением *каждого* русского человека. Тогда русский народ оказался на высоте своего призвания.

Сам преп. Сергей после Куликовской битвы еще, по крайней мере, дважды предпринимал дальние походы с целью примирения князей – в 1382 г. в Тверь и в 1385 г. в Рязань. В Рязани преп. Сергей беседовал с князем Олегом, по словам летописца, тихой и кроткой речью, «благонравными глаголы, благодатию, данной ему от Святого Духа» и говорил ему «о пользе душевной, и о мире, и о любви». «Князь же великий Олег преложи свирепство свое на кротость, и утешись, и укротись, и умились вельми душею, устыдись толь свята мужа, и взял с великим князем Дмитрием Ивановичем вечный мир и любовь в род и род»². Такова была благодатная сила и правда слов преп. Сергия, что «сильные мира сего» *стыдились* своего властолюбия и стремления удовлетворять только свои личные интересы. И такова была способность русского человека под влиянием благодатных слов правды свободно жертвовать своими личными интересами в пользу братолюбия и общего государственного дела.

Преп. Сергей присутствовал при кончине и погребении князя Димитрия (1389), а перед своей кончиной в 1392 г. не обратился специально к новым правителям и будущим государственным деятелям Руси. Так много потрудившись при жизни на благо единства и независимости Родины, он не оставил ни одной заповеди политического характера. Тем самым, фактически, он еще раз подтвердил то, о чем свидетельствовали все его жизненные поступки: земное благополучие, в том числе и в государственном масштабе, вытекает из благополучия внутреннего мира каждого отдельного человека. Об этом и нужно заботиться прежде всего.

Вот его главные заповеди: «непреткновенно в Православии пребывать и единомыслие друг к другу хранить», стремиться к душевной и телесной чистоте и нелицемерной любви. Будучи *таким* наставником внутренней жизни, учителем аскетического подвига, ориентирующего человека на благодатное преображение ради будущей вечной жизни с Богом, преп. Сергей не замкнулся в создавшейся вокруг него общине иноков. Всей своей жизнью он показал, что открывшаяся ему Божественная любовь не может покинуть мир со всеми его нуждами и проблемами. И он засвидетельствовал, что не формальная принадлежность к «православному исповеданию», а живое, деятельное обращение русского человека к Богу и к жизни в Церкви, способно благодатно перестроить всю обычную, «мирскую» жизнь во всех ее областях.

Житие преп. Сергия повествует о многих его посмертных деяниях на благо Российского государства, что, конечно, выходит за рамки истории как науки. Однако, есть исторический факт, когда в начале XVII в., в Смутное время фактического уничтожения России русское общество вполне вновь осознало заступничество преп. Сергия. Ему, первому из русских святых, тогда был составлен акафист, который начинался словами: «Возбранный от Царя сил Господа Иисуса, данный России воевода и чудотворче предивный!» Русская земля снова явила чудо внезапного восстания народного духа и в народном сознании преп. Сергей вновь оказался участником этих событий. Такие феномены, конечно, не появляются «из ничего», о чем полезно задуматься, в том числе и с позиций материалистического и атеистического мировоззрения.

Список фактов обращения русских людей к преп. Сергию можно пополнить и событиями XIX–XX вв., когда, например, икона преп. Сергия, писанная на доске от его гроба, сопровождала русскую армию в войне 1812 г. и в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. В конце ноября 1941 г., когда немецкие разведывательные отряды находились в 18–20 км от закрытой Троице-Сергиевой Лавры, у находящегося рядом с ней действующего Ильинского храма был отслужен молебен перед иконой преп. Сергия. Враг был отброшен в день памяти ученика и преемника преп. Сергия – преп. Никона (17/30 ноября)³.

Вскрытие раки с мощами преп. Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре. Фото 1919 г.

В 2014 г. отмечается еще и 100-летняя годовщина начала Первой мировой войны, итогом которой, в числе прочего, было обрушение православной государственности в России. Новая власть на российской земле отметила начало своей деятельности сознательным отказом от преп. Сергия как «Основоположника, Строителя» и «Ангела-Хранителя России»⁴. 20 января 1918 г. Троице-Сергиева Лавра была национализирована, а в ноябре 1919 г. в ней была прекращена монашеская жизнь. Святые мощи преп. Сергия были вскрыты в соответствии с программой мероприятий по разоблачению «религиозных суеверий». Но такая попытка зачеркнуть многовековой народный опыт реального присутствия преп. Сергия в России не могла сохранить на достаточно длительное время даже свой видимый успех. Уже в 1943 г. Троице-Сергиева Лавра была вновь открыта и восстановлена как действующий монастырь.

Если мы скажем, что «светильник» преп. Сергия продолжает светить и «освещать» Россию в XX–XXI вв., это может быть совсем не убедительным для многих, наблюдавших

¹ Цит. по: Ключевский В. О. Очерки и речи. С. 204.

² Цит. по: Андроник (Трубаев), игум. Указ. соч. С. 247.

³ См.: Там же. С. 249. При игумене Никоне был построен в Троице-Сергиевой обители каменный Троицкий собор (1422) и написана для него икона Св. Троицы преп. Андрея Рублева.

⁴ Выражение свящ. Павла Флоренского. См.: Павел Флоренский, свящ. Троице-Сергиева Лавра и Россия. С. 221, 236.

торжества 2014 г. в Сергиевом Посаде со стороны. Однако, дело заключается в необходимости учета всех фактов российской истории, а случаи народного призыва помощи преп. Сергия – это тоже факты. Продолжая использовать те образы, в которые В.О. Ключевский вкладывал нравственный смысл, но в которые можно и нужно вложить, прежде всего, смысл аскетический, следует говорить о снятии преграды на пути Света, исходящего от Преподобного. Государство и его властные структуры, в конце концов, тоже состоят из людей и если эти люди в сложной ситуации решают особо обратиться, по возможности, всенародное внимание на Сергия Радонежского, это и означает удаление той самой преграды. А далее все будет зависеть от того, как и насколько каждый человек в России использует свою свободу на принятие или отторжение этого Света. Но Свет будет светить – в этом, как представляется, суть происходящего.

С такой точки зрения, рассуждать нужно, прежде всего, не в категориях каких-либо попыток использования государством Церкви и самого феномена почитания преп. Сергия в России, а в терминах тесной взаимосвязи внутреннего состояния каждого члена общества и состояния общества в целом. Здесь исключается и сама возможность секуляризации христианства, поскольку речь идет о приоритете деятельности по достижению и сохранению внутреннего благодатного мира в душе, из чего уже далее следует успешная деятельность в интересах мира и единства в обществе и государстве. На такую точку зрения ставит обращение к примеру жизни и деятельности самого преп. Сергия Радонежского. И для всех, кто почитает его подвиг, его служение «святому Православию и свободе Руси», сами его поступки в той или иной ситуации могут быть гораздо убедительнее любого результата философско-богословских споров.

ЛИТЕРАТУРА

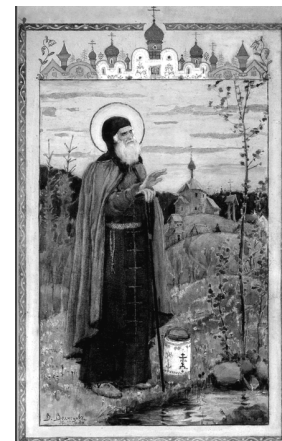
1. Алексей (Кутепов), архим. Преподобный Сергий как русский идеал святости // Богословские труды. Сб. 29. М.: Издательство Московской Патриархии, 1989. С. 183–193.
2. Андроник (Трубачев), игум. Русская духовность в жизни преподобного Сергия // Богословские труды. Сб. 29. М.: Издательство Московской Патриархии, 1989. С. 225–253.
3. Житие преподобного и богоносного отца нашего, игумена Сергия, чудотворца. Написано премудрейшим Епифанием // Хрестоматия по древнерусской литературе XI–XVII веков / Сост. А.Н. Ужанков. М.: Русский язык, 1991. С. 106–125.
4. Игорь Экономцев, прот. Исихазм и восточноевропейское возрождение // Богословские труды. Сб. 29. М.: Издательство Московской Патриархии, 1989. С. 59–73.
5. Ключевский В.О. Значение Преподобного Сергия для русского народа и государства // Богословский вестник. 1892. № 10. С. 190–204.
6. Лосский Вл. Боговидение. М.: Издательство Свято-Владимирского братства, 1995, 125 с.
7. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991, 288 с.
8. Никон, архим. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всей России чудотворца. Изд. 5-е. Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1904, 264 с.
9. Павел Флоренский, свящ. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Павел Флоренский, свящ. Избранные статьи по искусству. М.: Изобразительное искусство, 1996. С. 217–244.
10. Успенский Л. К юбилею Андрея Рублева // Вестник Западно-Европейского экзархата. 1960. № 35. С. 44–53.
11. Флоренский П.А. Сочинения. Т. 1 (1). Столп и утверждение Истины. М.: Правда, 1990, 490 с.
12. Kloss B.M. "Monasticism During the Formation of a Centralized State." *Russian Studies in History* 52.1 (2013): 5–37.
13. Kovalevsky P. *Saint Sergius and Russian Spirituality*. Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press, 1976. 190 p.
14. Meyendorff J. *Byzantine Hesychasm: Historical, Theological and Social Problems*. London: Variorum Reprints, 1974, 292 p.
15. Meyendorff J. *Byzantium and the Rise of Russia. A Study of Byzantino-Russian Relations in the Fourteenth Century*. Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press, 1989. xix, 326 p.
16. Miller D.B. *Saint Sergius of Radonezh, His Trinity Monastery, and the Formation of the Russian Identity*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2010.
17. Miller D.B. "The Cult of Saint Sergius of Radonezh and Its Political Uses." *Slavic Review* 52 (1993): 680–699.
18. Zernov N. *St. Sergius – Builder of Russia: Published for the Fellowship of St. Alban and St. Sergius*. London and New York: SPCK; Macmillan, 1938. 114 p.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Павлюченков, Н. Н. Государство Российское и аскетический подвиг преп. Сергия Радонежского в Православной Церкви / Н.Н. Павлюченков // Пространство и Время. — 2014. — № 4(18). — С. 126—133. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_st4-18.2014.62

Троице-Сергиева лавра: отреставрированный крест центральной главы Успенского собора перед подъемом на главу собора 9 апр. 1946 г. Фото из архива архитектора-реставратора И.В. Трофимова

Преподобный Сергий Радонежский. Художник В.М. Васнецов. 1895